

DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-11-119-129

EDN: НКОАAR

## ОТ “ПОТЕРЯННОГО БУДУЩЕГО” К МИРУ XXI СТОЛЕТИЯ (Переход к цифровой экономике и его последствия)

© 2025 г.

Материал поступил 12.05.2025. Принят к печати 01.09.2025.

**Аннотация.** Редакция представляет краткий отчет о круглом столе, посвященном анализу некоторых возможных последствий перехода к цифровой экономике в глобальном масштабе, который был проведен в редакции журнала “МЭ и МО”. В обсуждении приняли участие: заместитель директора ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук **С.А. Афонцев**; и. о. заведующего кафедрой Философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат философских наук, доцент, с.н.с., Институт экономики РАН **Т.А. Вархотов**; заведующий кафедрой РЭУ им. Г.В. Плеханова, профессор, доктор экономических наук **Р.С. Дзарасов**; профессор Финансового университета при Правительстве РФ, доктор экономических наук **С.А. Толкачев**; заместитель директора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, профессор, доктор экономических наук **И.Э. Фролов**; доцент Философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат философских наук **А.В. Чусов**; главный редактор журнала “Мировая экономика и международные отношения”, кандидат исторических наук **А.В. Рябов**.

**Ключевые слова:** цифровая экономика, глобализация, “индустриальные цифровики”, прогнозирование будущего, США, Китай.

## FROM THE “LOST FUTURE” TO THE WORLD OF XXI CENTURY (Transition to the Digital Economy and Its Consequences)

Received 12.05. 2025. Accepted 01.09.2025.

**Abstract.** Editorial office publishes the summary of a “round table”, held by the “World Economy and International Relations” journal and dedicated analysis of probable consequences of transition to the global digital economy. Among the participants were: Among the participants were: **S. Afontsev**, corresponding member of RAS, prof., Dr. Sci. (Econ.), deputy director of IMEMO (Primakov Institute); **A. Chusov**, Cand. Sci. (Philos.), assistant prof., Faculty of Philosophy (Lomonosov Moscow State University); **R. Dzarasov**, prof., Dr. Sci. (Econ.) (Plekhanov Russian University of Economics); **I. Frolov**, prof., Dr. Sci. (Econ.), deputy director of INEF RAS; **S. Tolkachev**, prof., Dr. Sci. (Econ.) (Financial University under Government of the Russian Federation); **T. Varkhotov**, Cand. Sci. (Philos.), acting head of the department, Faculty of Philosophy (Lomonosov Moscow State University), senior researcher (Institute of Economics RAS); **A. Ryabov**, Cand. Sci. (History), Editor-in-Chief of MEMO Journal.

**Keywords:** digital economy, globalization, “industrial digitalers”, forecasting the future, the USA, China.

**Рябов А.В.** По предлагаемой к обсуждению теме высказывается чрезвычайно широкий спектр оценок и мнений, но фундаментальных обобщающих исследований пока нет. Поэтому в ходе нашей дискуссии хотелось бы расширить этот спектр новыми идеями, на основе которых в дальнейшем могут быть написаны серьезные научные статьи, в том числе и для нашего журнала. Очевидно, что прежний этап глобализации закончился, возникает новая ситуация. Прежде всего хотелось бы понять, как в этих условиях приход цифровых технологий влияет на экономические системы. Ранее было огромное количество публикаций, где утверждалось, что буквально в течение нескольких лет с рынка труда будут вытеснены профессии, связанные с про-

стым и неквалифицированным трудом. Но сегодня мы видим обратную картину, когда спрос на простой неквалифицированный труд растет, а некоторые интеллектуальные виды работ “вымываются” с рынка. Второй сюжет: как в условиях распада прежней системы глобализации возникает разделение мира на регионы, какие очертания они будут принимать. Третья группа вопросов связана с социальными последствиями. Речь идет о возникновении новых социальных реалий, при которых из общественной практики постепенно вытесняется такое важнейшее достижение в развитии человеческой цивилизации, как свобода выбора, затрудняется трансляция культурных ценностей, набирают силу процессы дегуманизации и т. д. Есть раз-

ные оценки этого, включая позитивные, исходящие от адептов новых технократических утопий. Было бы также интересно понять последствия ослабления принципов, на которые опирается любая современная политическая система, в том числе ответственности, иерархичности. Последний вопрос о том, что конец истории не состоялся в том виде, в котором он еще виделся в конце 1980-х годов. Появится ли новый проект будущего в результате некоего социального проектирования или он возникнет в результате хаотичных социальных, экономических и политических изменений?

**Фролов И.Э.** Я представляю Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН и хотел бы высказаться по теме возможного будущего. Мой первый тезис про актуальность, через призму которой мы “видим” это будущее. Она заключается в том, что в мире уже в открытой форме начался раскол на две доминирующие финансовые и экономико-технологические зоны во главе с США и Китаем. Соответственно, остальным придется адаптироваться к этому, либо становясь их новой периферией, либо пытаясь вести собственную игру. Вспомним старое утверждение: можно быть вассалом суверена, но лучше быть свободным по Магдебургскому праву. Это почти нереализуемый, но самый выгодный выбор для многих стран. Скорее нереализуемый, потому что, во-первых, понятен ли общий замысел 47-го президента США? Возможно, он пытается создать финансовый и экономико-технологический панрегион во главе с США при формировании превращенной формы финансов на частных цифровых активах, так называемых стейблкоинах, привязанных к доллару. Это сверхсложная задача. Важно, что такой проект предполагает именно частные цифровые активы, — это принципиально противостоит проекту Китая, так называемому *mBridge*, где ключевую роль будет играть Народный банк Китая. Эти проекты **несовместимы**. Поэтому, во-вторых, не избежать распада современной международной финансовой системы на новые валютные зоны, включая изменения стандартов, передел ресурсной базы экономики и т. д., и т. п. В заключении этого тезиса я утверждаю, что после транзитного периода (15–25 лет) начнется виток новой интеграции на основе уже принципиально новых экономических систем.

Второй тезис. Когда мы говорим про новые торговые войны и переделы рынков, мы слабо видим реальную игру новых мировых акторов —

“цифровых олигархов” типа И. Маска, П. Тилы и др. Возможно, что правительство США, введя запредельные тарифы, выступает не против других стран, а начинает борьбу против части глобальной элиты, которая ему противостоит. Иначе говоря, они не против Мексики, не против Европы и даже не против Китая. Они против той части глобальной элиты, которая против нового глобального проекта, а их активы находятся в юрисдикции Канады, Евросоюза и т. п. В рамках нового проекта будет тормозиться проект “зеленой” экономики — его проводила предыдущая элитная коалиция. И ее ждет дезинтеграция, если Д. Трамп сумеет победить.

Третий тезис: цифровая экономика получит новый импульс к развитию. Но этот импульс по своему характеру будет другим. Ожидания эффектов от внедрения того, что называется искусственным интеллектом (ИИ), сильно завышены, а реализуется иное: новая цифровая инфраструктура — это переход в принципиально другую экономику. Эффекты платформенной экономики в своей развитой форме будут качественно отличны от привычных экономических форм. Та эпоха, которую мы называли капиталистической, на мой взгляд, заканчивается, и наступает принципиально что-то новое. Платформенная экономика как “ядро” будущей новой экономики отчасти уничтожает и преобразует формы действий экономических субъектов. В результате возникнут качественно иные субъекты, чем в XIX в., ИИ отберет часть традиционных субъектных функций в экономических отношениях: соответственно, то, что сейчас считается свободой, *будет сокращаться*, и люди на это станут реагировать, но формы и сила реакций социума пока непредсказуемы. Утверждение о том, что население стареет, его профпригодность и социальная активность сокращаются, а люди привыкают к любому типу глобального регулирования и, следовательно, новая цифровая власть международных “техноолигархов” легко удержится в новых условиях, крайне сомнительно. Будущее слабо прогнозируемо, в том числе из-за пассивного сопротивления населения этим социальным новациям. Добавлю, что увлечение новых поколений социальными сетями не позволит переломить сформировавшийся тренд сокращения рождаемости, несмотря на попытки национальных правительств изменить эту тенденцию в обозримой перспективе. Поиски решения этой проблемы находятся за границами нашей сегодняшней дискуссии. На мой взгляд, оно возмож-

но только при формировании новых социальных отношений, уже во второй половине XXI в.

Последний мой тезис заключается в том, что при этих изменениях будет меняться тип государства. То государство, к которому мы привыкли, национальное или национально-территориальное государство, будет также сильно трансформировано. Возможно, у нового типа государственности возникнут два уровня. Первый уровень — это слой взаимодействий международной коалиции крупнейших корпораций, основные активы которых сконцентрированы преимущественно на некой единой в институциональном плане базовой территории. Соответственно, поддерживать порядок на этой базовой территории будет специфически редуцированное государство. Второй уровень — традиционный. Это крайне важно для нас, потому здесь вопрос вопросов — возможная миссия России как страны, а не как “бессубъектной территории”, которой якобы могут управлять любые “варяги”. Промежуточный вывод: на вопрос, каким образом России нужно встраиваться в это новое будущее с качественно новым мировым разделением труда, хорошего ответа нет. Понятно, что России нежелательно тесно примыкать ни к Востоку, ни к Западу, а необходимо искать собственную политику, то есть формировать собственное будущее, в частности, вместе с условным Глобальным Югом, и ясно, что автаркия — не выход. Я пытаюсь подобрать этому термин, но выражение “стратегическая автономия” или метафора “Русский космос” неточны. На этом первую часть выступления закончу.

**Толкачев С.А.** В дискуссии задан очень широкий междисциплинарный набор тем. Широко распространено мнение, что нынешний откат от глобализации носит временный характер, что неизбежен новый этап глобализации, но нужно все-таки ответить на вопрос, в чем же глубинная причина этого кризиса глобализации, всей системы международного разделения труда. Ведь еще недавно, да и до сих пор еще у нас многие считают, что глобализация — это такой неостановимый путь прогресса, охватывающий абсолютно все экономические структуры, это закон непрерывно возрастающего разделения труда, кооперации, повышения производительности, эффективности, снижения издержек на единицу полезного результата, то есть это абсолютный экономический закон сродни естественным природным законам.

И вот почему-то этот закон прогресса затормозился. Какой может быть ответ? Видимо, существующая глобальная экономическая модель с ее системой распределения доходов не позволяет поддерживать соответствующий спрос для дальнейшего роста углубления международного разделения труда и даже для его сохранения. Глобальная система дошла до крайнего предела обострения противоречий. То, что США взбунтовались против этой системы первыми, это лишь как бы *casus belli* такой. У меня нет других ответов на этот бунт. США решили, что они действительно наиболее пострадали от глобализации, Трамп и Вэнс объяснили с экономической, социальной точек зрения, почему это произошло. Дальше превращаться в “нацию желудков”, потребляющих, а не производящих, они не захотели. Но при этом, кстати, и у демократов тоже были и схожая риторика, и схожее желание вернуть корабль американской экономики в сторону реального сектора и производства. Методы немножко другие. Демократы хотят осуществить это за счет усиления бюрократии, а Трамп и его окружение не любят бюрократию и хотят, наоборот, осуществить изменения за счет снижения бюрократической нагрузки на экономику. Неслучайно Трамп 2.0 снова поднял на щит экономику предложения, снижает налоги и вспоминает ныне здравствующего Артура Лаффера.

Трамп и его команда хотят отказываться от старой роли Соединенных Штатов в глобализации, от их устоявшегося места не столько как производящего, сколько потребляющего хозяйства в глобальной системе. Эта система в прежнем виде, наверное, могла бы еще некоторое время сохраняться, но США этого просто не захотели и, отважившись на серьезный слом глобального тренда, должны предложить, конечно, что-то новое.

Сейчас, на мой взгляд, на уровне грубых политэкономических концептов и доктрин уже вброшены идеи новой экономики предложения, или современной экономики предложения, или, как выражается профессор Гарварда Дэни Родрик, “продуктивизма”, “производительной экономики”. В этой доктрине не обозначены четко все конструктивные элементы этого механизма, пока она работает на уровне идеологических концептов. И поддержку этому новому идеологическому концепту оказывают не только трамписты, а, скажем, такая ярая антитрампистка, как Джанет Йеллен. Она еще в 2023 г., когда

презентовала книгу “Современная экономика предложения”, на одном из форумов так и сказала, что раньше была воспитана в иной экономической культуре: если вам присылают дешевые импортные товары из Китая, то вы должны относиться к этому с благодарностью. А теперь она отказывается от этого убеждения.

Творцы новой экономической истории в США при Трампе, которые получили поддержку со стороны передового предпринимательского класса, — это так называемые **индустриальные цифровики** (Илон Маск, Питер Тиль и др.). Они не индустриалисты времен “золотого века” Америки 1940–1960-х годов и не цифровики-постиндустриалисты 1980–2000-х. Последние сделали социальный заказ на создание теорий якобы нового постиндустриального общества (экономики знаний, информационной экономики и т. п.). Но крах той модели глобализации, в рамках которой преуспевали неиндустриальные цифровики, где были распространены иллюзии, что США занимают самые сильные позиции в мире в роли производителей информационных и финансовых услуг, выбросив все производство в Китай, заставляет новый элитный слой ориентироваться на новые доктринальные сюжеты

Индустриальные цифровики созрели до того, чтобы в рамках протекающей новой индустриальной революции повсеместно внедрять в производственные процессы электронику. Электронизация, или цифровизация, охватывает все производственные технологии, и индустриальные цифровики начинают формировать новый образ мироустройства, где может существовать новый производственный контур на принципах самодостаточности, где они могут не зависеть от Китая и других глобальных поставщиков, осуществляя самостоятельно основные технологические операции. В этом случае не нужно полагаться на глубокое международное разделение труда, но, с другой стороны, есть понимание того, что в течение определенного периода времени отказ от дешевого импорта скажется на издержках производства, на уровне жизни, который в США должен упасть. Расплата за новую экономическую свободу (от Китая, от глобализации — именно так выражаются Вэнс и Рубио) в виде падения уровня жизни — это, видимо, одно из последствий перехода к новой модели, к которому они готовятся как идеологически, так и усилением административного аппарата.

Неизбежное и уже происходящее сокращение доли среднего класса сопровождается внедрением через различные массовые общественные организации, многочисленные исследовательские структуры, влияющие на общественное сознание, концепции так называемого устойчивого потребления. Эта кампания, кстати, началась уже лет 20 назад и направлена на переформатирование сознания, отказ от роста массового потребления для широких слоев населения и поиски некоторых других смыслов жизни. Тем самым, видимо, в планах новых элит Америки — переформатирование типового сознания американского населения и намечающейся геоэкономической зоны (Канада + Гренландия + Австралия) в пользу возрождения не потребительской, а производственной культуры. Это переформатирование сознания необходимо для успеха всего радикального проекта Америки 2.0. Так что, на мой взгляд, возврат к новым цифровым, цифровизированным ценностям производящего общества в США как центра западной цивилизации, наверное, неизбежен.

**Рябов А.В.** Сергей Александрович ввел в дискуссию новое понятие “индустриальные цифровики”. По его мнению, именно с их деятельностью могут быть связаны перспективы реиндустриализации США и выхода из нынешней ситуации кризиса глобализации.

**Афонцев С.А.** Я не люблю заниматься прогнозами, но когда все же это случается, хочется вычленить базовые тренды, которые показывают новое в понимании векторов развития мировой экономики. У нас каждые пять лет появляются книжка или статья, утверждающие, что все теперь будет совсем по-новому, и можно подумать, что весь мир беспрестанно меняется. Но на самом деле ничего особого не происходит. Что я вижу по трендам? Есть ли какие-то необратимые вещи, которые реально что-то меняют? Во-первых, это цифровизация, развитие информационных технологий, которые наряду с искусственным интеллектом затрагивают все новые и новые сферы. Предчувствую, что будет, в частности, лихорадить рынок образовательных услуг. Во-вторых, старение: ясно, что теперь структура рабочей силы будет совсем другая. Как показывает опыт Японии, это бесполезно для экономического развития. Третий тренд состоит в том, что растет число богатых стран, которые могут бороться за место под солнцем конкурентоспособности. То, что раньше производили в Европе,

сейчас могут производить во Вьетнаме, тем более в Китае.

Что же из этого всего вытекает? Прежде всего экономический субъект, функции которого мы максимизируем, когда строим модель, становится другим — в среднем более старым; он становится потребителем благ, товаров и услуг, которых раньше не было. И поэтому предпочтения теперь меняются с огромными скоростями. Сегодня возникают другие субъекты, у них по-другому устроены и целевая функция, и предпочтения. Значит, возникают и другие факторы производства. Предпочтения в сфере экономической политики активно навязываются. Так было с “зеленой” повесткой, потом затронули внешнюю торговлю — с этой страной торгуй, с этой не торгуй, она плохая. Как все это соотносится с полезностью для человека? Да никак.

Пока что главное воздействие цифровизации на рынки труда — это восполнение того дефицита, который образуется по мере старения населения. И по мере снижения доли населения, которая в первых десятилетиях трудоспособного возраста, труд замещается в капитал. Значит, никуда эти миллионы людей безработными не пойдут, вытесненные искусственным интеллектом. Просто не будет людей, которые могли бы пойти на улицу. ИИ будет работать за тех, кто еще не родился, а поскольку он не стареет, то просто будет замещать тот труд, которого нет. Пропорции факторов, таким образом, будут меняться — и с точки зрения субъектов, процессов, и с точки зрения экономической политики. В 1990–2000-е годы мы говорили применительно к рецептам экономического процветания: “Торговля растет в 2–3 раза быстрее, чем ВВП. Значит, что нужно делать бедным странам? Производить товары на внешние рынки и расти быстрее, чем в среднем по миру”. Сейчас бедные страны стали богатеть. Внутренний рынок у них постоянно увеличивается. Они говорят: “А зачем мы будем полностью зависеть от внешних рынков?” Что из этого следует? Происходит снижение заинтересованности в открытых рынках. Сейчас это становится возможным, другое дело, какими темпами и что именно получается. Чем богаче и больше будут экономики, тем больше у них будет свободы в опоре на внутренний рынок. Если еще присовокупить сюда стремление к технологическому лидерству, то эти страны могут сильно вырасти. Но как там будут балансироваться доходы и цены — это вопрос открытый. Здесь

я вижу риски долгосрочного тренда в пользу большего протекционизма именно за счет того, что ведущие страны будут выстраивать основу своего экономического процветания, используя потенциал внутреннего рынка, которого они достигли. Поэтому, отвечая на один из вопросов, который был предложен для обсуждения, скажу: “Я не верю ни в какие проекты будущего, равно потому, что прогнозировать сложно, особенно будущее”. Очень много факторов, которые надо учитывать. Вот европейцы придумали “зеленую” экономику, объявили ее приоритетом, но пришли китайцы, и где вы видели в Европе производство солнечных панелей и производство электромобилей? Вот это пример проектирования будущего. Поэтому я критически к таким вещам отношусь.

**Рябов А.В.** Итак, Сергей Александрович довольно сдержанно отнесся к масштабам и глубине изменений, которые могут произойти, указав, если я правильно понял, на высокую вероятность роста протекционизма в перспективе.

**Дзарасов Р.С.** На мой взгляд, главная причина кризиса американоцентричной модели глобализации, которая, как казалось недавно, открывает перед человечеством новые широкие перспективы, состоит в кризисе сложившейся структуры глобального накопления капитала.

Чтобы понять, как это еще недавно казавшееся таким оптимистичным будущее было потеряно, на мой взгляд, необходимо отступить назад ко временам “стагфляции” 1970-х годов. Это явление знаменовало окончание “золотого века” послевоенного капитализма. В исторической ретроспективе ясно, что послевоенный бум Запада был временным явлением, вызванным разрушением промышленности Европы и Японии. Американские корпорации временно освободились от конкурентов на мировом капиталистическом рынке. Очень характерно то, как американский капитализм ответил на этот вызов. В неоклассической теории есть положение о том, что прибыль является продуктом предельной производительности капитала. Если бы это было верно, то американские корпорации должны были бы противостоять “стагфляции”, резко увеличив инвестиции в технический прогресс и модернизацию производства. Мир должен был быть завален не китайскими, а американскими товарами по низким ценам, так как их должны были производить современные, высокоэффективные роботы. Реальность оказалась совсем иной:

США и, шире, Запад начали беспрецедентный перенос материального производства в регионы с низкой оплатой труда.

Эксплуатация дешевого труда периферии повысила прибыли транснационального капитала, но вызвала систематическое отставание совокупного спроса от совокупного предложения на мировом рынке. Именно на этом фоне началась так называемая финансиализация — перетекание производственного капитала в финансово-спекулятивный. Дело в том, что для поддержания конкурентоспособного экспорта развивающимся странам приходилось реинвестировать значительную часть своих доходов на западные финансовые рынки. Вот почему в западных странах происходила деиндустриализация и рост финансово-спекулятивного капитала. Со временем расхождение совокупного спроса и предложения в мировом масштабе породило крах 2008–2010 гг. Рост потребительской задолженности населения стран Запада на фоне застоя трудовых доходов породил кризис ипотеки в США, с чего и начался глобальный спад. Это событие в корне изменило ход мировой истории.

Западные рынки по большому счету перестали расти. В этих условиях правящие классы Китая и других стран-экспортеров не могли больше наращивать свое накопление капитала за счет расширения вывоза товаров на Запад. Китай начал осторожную работу по переориентации производства на внутренний спрос и на крупнейший в мире рынок Евразии (проект “Пояс и Путь”). В условиях деиндустриализации стран Запада, особенно США, и их критической зависимости от финансовых вложений экспортеров, прежде всего Китая, отделение Поднебесной (делинкинг Самира Амина) было бы катастрофой для стран центра. В качестве ответа на эту угрозу США начали стратегию дипломатической, экономической и военной изоляции Китая. Россия является важнейшим звеном, без которого изоляция Китая невозможна. Этим в конечном счете и определяется современный геополитический конфликт Запада и России.

Таким образом, кризис мировой экономики и сложившейся системы международных отношений выражает кризис западного доминирования в современном мире, включая и культуру. Однако в области фундаментальных исследований и технического прогресса Запад продолжает доминировать, несмотря на то, что центр промышленного производства сместился в Азию.

Думается, впрочем, что и перемещение научно-технического лидерства туда же — это только вопрос времени. В этом случае Азия захватит и доминирование в глобальном накоплении капитала. По мнению классика мир-системного подхода — американского экономиста, историка и социолога Андре Гюнтера Франка, это будет всего лишь возвращением мировой истории к своей норме. Вплоть до начала Нового Времени в мировой торговле и культуре доминировали две великие державы Востока — Китай и Индия.

Согласно почти всеобщему убеждению следующий гегемон мировой экономики — это Китай. Факт беспрецедентного экономического подъема этой страны после окончания холодной войны является весомым основанием для такого мнения. Но не следует забывать о непредсказуемости истории, которая часто опровергает, казалось бы, самые обоснованные прогнозы. И в этом я, пожалуй, соглашусь с Сергеем Александровичем Афонцевым. Так, в первой половине XX в. Германия принесла беспрецедентные жертвы — и навлекла еще большие на других — в борьбе за то, чтобы стать ведущей державой на мировом капиталистическом рынке. И в ходе двух мировых войн ей удалось подорвать лидерство Британии. Однако на трон взошли США. Нельзя исключать того, что Китай расточит свои ресурсы, подрывая американскую гегемонию, но номером один станет какая-то другая азиатская держава, скажем, Индия.

В любом случае переход доминирования к Азии будет означать конец современного, неоклассического мейнстрима. Он является продуктом эпохи Просвещения с ее верой в безграничные возможности разума. В основе неоклассической теории лежит модель так называемого рационального экономического человека. Он рассчитывает распределение вероятностей для всех основных экономических величин и с наибольшей вероятностью максимизирует свою ожидаемую выгоду. Поскольку *Homo economicus* оказывается способен предвидеть будущее, то его рациональные ожидания оправдываются и тем самым порождают равновесие как на микро-, так и на макроуровне. Такое оптимистическое видение капитализма как саморегулирующейся системы противоречит реальному опыту последних десятилетий, описанному выше. Доминирование финансово-спекулятивного капитала в современной мировой экономике, породившее “деривативы”,

“финансовые пузыри” и в конечном счете глобальный спад, перешедший в нынешнюю “Великую стагнацию”, никак не свидетельствует о рациональности экономических агентов.

Разворачивающийся на наших глазах конфликт между США и Китаем, основу которого составляет борьба за доминирование в глобальном накоплении капитала, в частности, ставит вопрос о мейнстриме экономической науки. Если первенство в мировой экономике перейдет к Азии, то невозможно представить, что неоклассическая ортодоксия останется незатронутой. Азиатская модель экономики во всех ее вариантах, возьмем ли мы Японию, Китай, Индию или Вьетнам, характеризуется поиском оптимального сочетания рыночной саморегуляции и роли государства, совмещения рынка и плана. Этой практике больше соответствуют взгляды Кейнса и Маркса. На их основе, по всей видимости, и должен сформироваться новый мейнстрим с восточной спецификой.

**Рябов А.В.** Руслан Солтанович нарисовал картину будущего, в котором, по его мнению, центр мировой экономики, мирового развития будет неизбежно сдвигаться на Восток, в Азию, и обосновал, почему это будет происходить.

**Вархотов Т.А.** Я бы обратил внимание на следующий ракурс. 400 лет экспансии западной цивилизации привели к тому, что все институты, которыми в наибольшей степени дорожат современные державы, и все средства описания, анализа и оценки этих институтов являются частью западной культуры. У нас нет незападной науки, и часто мы это принимаем за невозможность альтернативы как таковой. Отсюда понятно, что и язык, на котором мы пытаемся договариваться о незападных формах организации нового миропорядка, тоже является западным в буквальном смысле слова. Рабочий язык мероприятий БРИКС — английский, который для всех стран-участниц является чужим языком. За языком следует определенный способ видения мира. Поэтому консервативно настроенные политологи с западной стороны считают, что, например, объединение БРИКС не несет реальной альтернативы западному миру, потому что не способно выйти за рамки его средств, ценностей и институтов.

Цивилизацию упрощенно можно представить в виде двухэтажной конструкции, где на первом этаже находится материальная культура и традиционная система практик, а на вто-

ром этаже находится то, на что эта культура интуитивно ориентируется, что можно назвать ценностным уровнем организации. Все культуры имеют некоторую модель потребного будущего, образ “правильной” организации жизни. Как правило, такого рода представления о желательном исходе концентрируются в системе религиозных представлений, но это не обязательно. Соответственно, экспансивный потенциал культуры в значительной степени зависит от того, насколько нелокальными и понятными соседям являются ценностные послы, которые культура интуитивно нащупывает. Как правило, и сама культура не очень хорошо о них осведомлена, — рефлексивный взгляд на собственные ценности их искажает. Приведу простой пример. Согласно С. Хантингтону, специфическими ценностями и отличительными чертами западной цивилизации являются христианство, плюрализм, индивидуализм и верховенство закона. Не то чтобы это было неверно, но внимательный взгляд показывает, что торжество западной цивилизации начинается с секуляризации и вытеснения христианства из общественной жизни. Верховенство закона — да, безусловно, только ведь одним из столпов английского права является разумное и справедливое решение судей. В этом смысле верховенство закона есть на самом деле верховенство разума. Перечисленное показывает, что собственный взгляд культуры на ее ценностные основания всегда проблематичен. Тем не менее культура несет свои ценности, и в той мере, в какой ее ценности оказываются “заразительными” для соседей, они испытывают желание присоединиться или нет. Ориентирующим критерием в вопросе о том, расширяемся мы как цивилизация или, наоборот, сжимаемся, является вопрос формы локализации ценностных оснований: занимает ли общество в отношении своего ценностного ядра охранительную или экспансивную позицию. Когда культура заговаривает о своих ценностях в духе “не трогайте, они наши традиционные”, “руки прочь, мы их никогда не перепутаем с чужими” и т. п., она сжимается и слабеет. Культура, находящаяся в фазе экспансии, свободно делится своими ценностями и настаивает на их нелокальном характере — “вы можете этого не осознавать, но вы тоже так думаете и к этому стремитесь”.

Актуализация интересов России в глобальном проекте должна начинаться с *пересмотра нездоровой охранительной позиции* в отношении традиционных духовно-нравственных ценно-

стей. Сейчас время экспансии, а не музеефикации цивилизационных оснований.

**Рябов А.В.** Я как модератор обратил бы внимание на две особенности нашей дискуссии. Так, у нас не прозвучало апокалиптических идей, связанных с утверждением цифровой экономики и ее социальными последствиями, которые в последнее время становятся все более популярными. И в то же время оба Сергея Александровича — Толкачев и Афонцев — высказали мнение, что, несмотря на возможное переформатирование институтов и общественных отношений, ничего кардинального цифровая экономика не изменит.

**Чусов А.В.** Когда мы говорим о некотором предвидении будущего, то обязательно встает вопрос о методологии социальных наук, учитывающей особенности существования научных предметных областей.

Наука существенно связана с созданием представлений, а также с моделированием, в том числе идеальных и конструктивных объектов (артефактов). Модели относятся к реальности сложным образом. Их базовые характеристики — подручность и интерпретируемость. На мой взгляд, представления о том, что в научных знаниях можно отделить объективные факты от субъективных теорий, наивны и восходят к позитивизму.

Также замечу, что единства моделей нет. Есть лишь общая тенденция, стремление к предполагаемому в итоге единству. И попытки разумно охватить действительность оказываются лишь попытками, проектами, локальными моделями. Фактически нет единой науки. Это относится и к науке экономики, от ее методологии до общих концепций. Аналогично представления о едином общем человеческом мире наивны, так как наличные человеческие миры локальны и существенно изменяются. В частности, глобализация — это претензия на то, что может быть создан единый общий человеческий мир с единым порядком. Кто-то полагает, что идеи глобализации реализовались. Но где реализовались? Во всем мире? Очевидно, нет. Где-то они вовсе не реализованы, и нет единого глобального мира, при том что есть серьезные сомнения в том, что это вообще возможно.

Следующий тезис: люди повседневно воспроизводятся, в частности, в экономической деятельности, и это воспроизводит их *ограниченную*

*рациональность* в экономических отношениях. К примеру, вопрос о цифровой экономике — это вопрос о том, как объективируются идеальные цифровые конструкты, как они воспроизводятся в мировых взаимодействиях и в какой мере они могут становиться самостоятельными.

**Фролов И.Э.** Согласен с тезисом, что нельзя придумать будущее, но возможны разные типы взаимодействий людей с идеями и организациями, планирующими свое будущее. Ведь глобальные проекты исторически возникали, пример — проект Просвещения. Его предпосылка — это следствия Реформации XVI в., при этом возникла новая социальная динамика, которая и привела к эпохе капитализма, но ныне она исчерпывается. Мне представляется, что мы попали в эпоху, когда возникает принципиально новая социальная динамика, которую характеризуют новые маркеры, в том числе и новые слова. Чем капитал или капитализм отличаются от феодализма? Принципиально другим типом богатства и его воспроизводством. Феодализм — квазистационарная структура, его динамика слабая, завязанная на локальных хозяйствах. А капитал — принципиально динамическая структура, все время нужно увеличивать свое богатство. Сейчас не случайно говорят о “техноолигархах”, “техномагнатах”. Возникает “зародыш” нового типа богатства. Какова перспектива? Сложилась ситуация резкого обесценивания старых типов богатств, как было в XVI в. Поэтому формируется сверхзадача, о которой говорил Тарас Александрович по поводу науки. Та форма науки, которая возникла в конце XVII в., себя исчерпывает. Надо пытаться создавать новые эпистемологические структуры. Может быть, заработает категория “взаимодействие” вместо “причинно-следственные связи” и т. п. Это вызов эпохи для социальных наук.

**Толкачев С.А.** Хотел бы уточнить и одновременно возразить. Наверное, когда одновременно западная производственная культура, поколения работников, воспитанных на протестантской этике, сохранявшееся традиционное общество в тех же самых США продолжали еще доминировать, влияние постмодерна не сказывалось. И США поэтому демонстрировали свои результаты. А начиная со второй половины 1960-х годов негативное влияние постмодернистских настроений постепенно доходит до материальной экономической культуры, и после этого закат совокупной экономической и политической мощи

США становится неизбежным. Я вот так это представляю. Это, может быть, мое уточнение к тезису о том, что есть определенный переходный период между завершением эпохи модерна и нынешним глобальным кризисом. Тарас Александрович за отправную точку этого процесса избрал Хантингтона, но нельзя не отметить, что спустя почти 30 лет со времени выхода его книги многие ее предсказания и выводы оказались ошибочными и нереальными. Сегодня мы видим, что все-таки между собой конфликтуют не сами цивилизации, а определенные группы элит, которые от имени цивилизации устраивают эти политические конфликты.

И я бы поставил под сомнение, если я правильно его понял, тезис о том, что глобальный спрос — международный, внешнеэкономический — может быть заменен внутренним спросом. Если это действительно так, если на это нацеливается правящая элита, то тогда мое предположение получает поддержку. То есть каждой, даже крупным экономикам США и Китая, лидерам этих стран и их экономик нужно выстроить административно-полицейскую систему, которая могла бы убеждать своих потребителей покупать национальные, резидентные товары и услуги. Кстати, в Америке давно уже покупают американские программы.

**Афонцев С.А.** Это и есть путь в цифровой концлагерь. Вот этот *WeChat*, это же цифровой концлагерь, там такси нельзя вызвать, там товар нельзя оплатить, если у тебя не сканируется *QR*-код с твоего смартфона.

**Толкачев С.А.** И получается, что если элитные группы сознательно идут на такую конструкцию будущей модели экономики, то они неизбежно должны усиливать пропагандистский и полицейский аппарат, который будет подавлять возможные недовольства широких масс населения. Заставить их, на что на самом деле нацелена *MAGA*, заставить Америку работать. Именно этого хотел Трамп: воспрепятствовать сверхпотреблению, ведущему к деградации, вернуться на здоровый путь — это значит, нужно одновременно заставлять людей работать, меньше потреблять и быть при этом довольными.

**Рябов А.В.** Сергей Александрович, получается так, что Ваша точка зрения близка тому, с чего Игорь Эдуардович начал. Я имею в виду тезис о разделении на две системы. Только Вы добавляете к нему идею о том, что ориентация на внутренние рынки должна поддерживаться

еще силой административного аппарата с использованием огромных манипулятивных возможностей современной пропаганды.

**Толкачев С.А.** Вспомним Советский Союз, когда у нас ограниченный доступ к импорту был, но он компенсировался административными мерами, скажем так, советским знаком качества.

**Афонцев А.С.** Пытались компенсировать, но кто на него смотрел?

**Чусов А.В.** Экономика дефицита, есть такое выражение.

**Рябов А.В.** Таким образом, в этой опции анализа цивилизационные различия значения не имеют, так?

**Толкачев С.А.** Кстати, да.

**Рябов А.В.** Итак, в ходе дискуссии у нас сформировались два подхода. Один — ресурсно-акторный, при котором ключевую роль играют позиции элит, их ресурсы и возможности, которыми они располагают. Оба Сергея Александровича в целом придерживались этого подхода. А второй — цивилизационный, применение которого предполагает иной исследовательский аппарат и иное научное осмысление реалий. Можно ли их соединить?

**Афонцев С.А.** Они просто о разном.

**Чусов А.В.** Можно немного иначе сформулировать то, что Вы сказали. Я вижу соотношение этих подходов так: ресурсно-акторный — как некоторую опору на материальную основу общественных практик, а цивилизационный — с опорой на идеальную.

**Афонцев С.А.** Мне это не совсем понятно. Есть реальность, с которой мы имеем дело. Из чего она состоит? Реальность состоит из фактов: это печенье, это часы. Ресурсно-акторный подход про факты. Кто это сделал, сколько это стоит, кто купил, что от этого будет — это все про факты. А все остальное — про интерпретации.

Спасибо Сергею Александровичу за предельный реализм, это очень хорошая характеристика, я теперь буду ею пользоваться. Не нужно мне объективаций, это дико интересно, но в моей парадигме этого ничего нет. Есть реальность с фактами, я вижу, как меняются бизнес-практики. Я вижу это не потому, что кто-то так выдумал, не потому, что это называли новым словом. Когда Фрейд пытался лечить больных людей и записывал их симптомы, это про больного

человека. А когда Юнг или кто-то другой из великих психиатров сказал, что так все люди поступают, то это была уже некая концептуальная схема, некоторое обобщение, интерпретация. Она может быть корректной или некорректной, но в данном случае она мне просто не интересна. Меня интересует, что делать с больными людьми. А если они здоровы, то мне вообще не нужна вся эта концепция. И в нашей же теме я выделил три реальных тренда: цифровизация, старение и множественность лидеров, или потенциал для лидеров. Если мне хочется в эту тему идти глубже, я бы хотел услышать, может быть, еще какие-то тренды есть? Опять же, я выделил новые субъекты с их новыми предпочтениями, новое состояние рынка труда и пропорции факторов производства. И я предполагаю, что происходит нащупывание базы протекционизма: не то чтобы действительно все так могли, но смещается баланс между теми странами, которые могут себе это позволить, и теми, кто не может, в сторону первых. Поэтому при прочих равных условиях вероятность протекционизма увеличивается. Из этого можно сделать важный вывод с точки зрения интерпретации. Я предложил бы, например, стратегическую торговую политику. Раньше знали только теорию международной торговли Хекшера–Олина, потом в 1980-е годы придумали теорию международной торговли, где уже работали эффекты масштаба. А в 2010-е годы выдвинули новейшую теорию, где работали и эффекты масштаба, и различия в производительности. Изменяется реальность, усложняются экономические процессы, а за ними идут концепции, которые их объясняют. Это хорошо, но в любом случае мы можем задать себе вопрос: а в нынешних условиях, когда цифровая составляющая начинает расти, как мы ее можем “ловить”? Через производительность тяжело “ловить” технологии. И все понимают, что цифровая экономика меняет нашу жизнь, а в производительности это не видно, потому что если вы в стоимостных категориях смотрите, то там издержки снижаются еще быстрее, чем растет выпуск. И производительность посчитать невозможно. Нужно ли создавать новые теории, чтобы объяснить эту идею? Не знаю. У меня пока нет ощущения, что мир настолько поменялся, что от старых концепций нужно отказываться. Я считаю, что у нас достаточно хороших инструментов для анализа реальности. Самое главное, чтобы понимать, какой уровень реальности мы анализируем.

Что же касается социальных последствий цифровизации, вопроса о “цифровом концлагере”, то этот вопрос, на мой взгляд, разделяет общество. Люди, у кого есть мозги, они не хотят жить в библиотеке. Они хотят строить этот “концлагерь”, управлять им, они хотят получать от этого выгоду. А что при этом происходит с обществом? Боюсь, что тут происходит деградация. По моему личному опыту, это отчетливо видно в сфере образования. Здесь можно говорить о подрывном характере новых технологий, отучающих от самостоятельного критического мышления.

**Вархотов Т.А.** В контексте противопоставления ресурсно-акторного и цивилизационного подходов я бы фактор элит отождествил не с “фактами”, а с интерпретациями. Степень осведомленности об интересах элит и внутри-элитных маневрах невысокая, хорошей эмпирики нет. В социальном мире есть факторы разной степени длительности и разной степени универсальности. В каждый момент есть акторы, которые имеют существенные преимущества в распределении благ и распределении власти. Но сложно различать ситуации, когда люди думают, что они управляют, и когда они действительно управляют. Необходимо учитывать медленные и долгосрочные факторы, а не только номинально приданную актору в силу должности и символического капитала власть. Цивилизационные факторы как раз такого типа. Они работают не строго, но их влияние долгосрочное и масштабное. Выскажу гипотезу, что мы переоцениваем роль конкретных технологий, связанных с цифровизацией. Не искусственный интеллект манипулирует людьми. А одни люди, определенным образом использующие искусственный интеллект, манипулируют другими людьми. И в перспективе манипулируют и самим искусственным интеллектом, поскольку его мощь напрямую зависит от интеллектуальных возможностей человеческих существ. Человек зачастую низко ценит предмет собственной деятельности, ищет легкие способы отказаться от участия в ней. Например, не считает нужным учиться, потому что общество пришло к такому состоянию, когда образование (не путать с дипломом!) стало невостребованным.

**Дзарасов Р.С.** То есть они рационально себя ведут?

**Вархотов Т.А.** Очень. Но в этой связи стоит искать выпадающие из анализа экономистов

сферы, куда уходит богатство. Значительная часть того, что мы выдаем за значимые формы социальной деятельности, перестала таковой быть. Может быть, огромное количество людей давно имитирует осмысленную деятельность, и они могут быть замещены искусственным интеллектом, в этом смысле их действия разумны.

**Дзарасов Р.С.** Коллеги, я бы не хотел, чтобы сложилось впечатление, что я превратился в сторонника цивилизационного подхода. Он подчиняется силе более высокого уровня – формационным процессам. Я мыслю о современной мировой экономике как об экономике капиталистической. Замечу, что Сергей Александрович сказал, что упадок американской экономики связан с тем, что ее ослабила постмодернистская идеология. Но мне кажется, что явление стагфляции стало отправным пунктом для понимания той исторической динамики, которая привела к нынешней стагнации. В исторической ретроспективе ясно, что послевоенный, “золотой век” американского капитализма – это временное явление. Важно, как отреагировал капитализм на стагфляцию. Он пошел по пути переноса производства в регионы с низкой оплатой труда. И это очень хорошо видно на изменении структуры рабочей силы. Причина в желании повысить прибыли за счет дешевого труда. Рост западных рынков был возможен только за счет наращивания потребительского кредита. И вот это и стало причиной краха 2008 г. То есть источник в эксплуатации труда, если называть вещь своими именами. И это не цивилизационный процесс, а формационный. Поэтому мне кажется, что глобальное накопление капитала является ведущим, а постмодернистские идеи скорее отражают это. Поэтому правильный тезис, что искусственный интеллект не приведет к сильному высвобождению труда по всему миру. Он используется как один из инструментов поддержания монопольного положения транснационального капитала и перераспределения в свою пользу результатов труда периферии. Но периферия в лице Китая, Индии активно осваивает

эти инструменты и тем самым стремится подорвать эту монополию.

**Фролов И.Э.** Я думаю, что не нужно выбирать между цивилизационным, формационным и иными подходами, я, например, не сторонник формационного подхода. Потому что экономика всегда многоукладна. Капитал – это один из укладов. Он стал доминирующим в XIX в. в Западной Европе и Северной Америке, но он не будет доминировать всегда.

Это не значит, что после капитализма будет коммунизм. Скорее будет что-то другое и хуже, чем капитализм. Вторая реплика, по поводу тенденций. Меняется природа денег. Цифровые финансовые активы – это не деньги в классическом понимании. Первое: денежные средства дискретны, а цифровые финансовые активы – практически континуальны. Второе: у них потенциальная переменная покупательная способность. В частности, цифровая экономика контролирует и ваши расходы, и ваши доходы. В этой ситуации возникает индивидуализированная, а не рыночная цена. Третье: у денежных средств есть физический носитель, и они предполагают ответственность на него. А когда в центральном банке есть только ваш индивидуальный счет, то ваша ответственность на деньги исчезает.

**Рябов А.В.** Думаю, в нашей дискуссии, хотя местами она носила несколько хаотичный характер, было высказано несколько полезных идей к изучению этой многогранной и очень актуальной темы. Столкнулись, в частности, два подхода: акторно-ресурсный и цивилизационный. В целом мы, как мне кажется, создали хороший задел для дальнейших обсуждений.

**Афонцев С.А.** Мы сегодня набросали очень много интересных идей. Некоторые из них вполне возможно развернуть в отдельные статьи и сравнить ранее высказанные позиции.

Материал подготовили

А. РЯБОВ (andreyr@imemo.ru)

И. ФРОЛОВ (i\_frolov@ecfor.ru)